VISIT…

С. ЮРАСОВ

ВАСИЛИЙ ТЁРКИН
ПОСЛЕ ВОЙНЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИМЕНИ ЧЕХОВА
Нью-Йорк

UNIVERSITY OF MICHIGAN

UNIVERSITY OF MICHIGAN

UNIVERSITY OF MICHIGAN

UNIVERSITY OF MICHIGAN

Turasov, S

С. ЮРАСОВ

Василий Тёркин после войны

(По А. Твардовскому)

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИМЕНИ ЧЕХОВА

Нью-Йорк • 1953

UNIVERSITY OF MICHIGAN

COPYRIGHT 1953 BY
CHEKHOV PUBLISHING HOUSE
OF THE EAST EUROPEAN FUND, INC.

891.78
I914va

PRINTED IN THE U.S.A.

UNIVERSITY OF MICHIGAN

61-1833

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

«Василий Тёркин после войны» С. Юрасова сейчас же порождает в читателе вопрос о степени родства героя Юрасова с героем поэмы «Книга про бойца» советского поэта Александра Твардовского.

Но прежде, чем говорить об этом, нужно остановиться на одной особенности советской литературы. Несмотря на широко разветвленный издательский аппарат и большой штат критиков и рецензентов, знакомящих читателей с художественными новинками, образы советской литературы не входят в жизнь советских современников, как это было с героями русской литературы в дореволюционную эпоху. Впервые на эту особенность робко намекнул (в сборнике «Голоса против») в начале 30-х годов советский критик Георгий Горбачев.

Над этой особенностью стоит задуматься. Многие образы классической литературы, начиная с Митрофанушки Фонвизина и кончая чеховским унтером Пришибеевым, принимали активное участие в русской жизни, а некоторые из них, как Молчалин и Хлестаков, продолжают участвовать и в жизни современного советского общества. Чацкий, Онегин, Печорин, Чичиков, Манилов, Рудин, Базаров, Обломов — все эти порождения русской жизни, пройдя сквозь горнило творчества художников слова, превратились в типические характеры и в этом новом своем качестве возвратились в жизнь, стали именами нарицательными, помогая современникам глубже понять окружающую их действительность.

Действующие лица советской литературы, за редкими исключениями, живут какой-то замкнутой, призрач-

UNIVERSITY OF MICHIGAN

ной жизнью. За 35 лет советского периода только очень немногим героям, да и то не надолго, удалось сбежать с книжной полки в живую жизнь. Таков был Назар Ильич Синебрюхов — «бывалый солдат» Зощенки, Беня Крик Бабеля, Остап Бендер Ильфа и Петрова. Из героев новейших произведений широкую известность приобрел только Василий Тёркин Александра Твардовского. Сегодня мало кто из читателей помнит его биографию. О ней рассказал сам А. Твардовский в статье «Ответ читателям Василия Тёркина» («Новый Мир», № 11, 1951 г.).

«Василий Тёркин» известен читателям, в первую очередь армейским, с 1942 года. Но «Вася Тёркин» постучался в литературу еще в 1939-40 гг., в период финской кампании, когда стали появляться стихи о солдате-балагуре во фронтовой печати.

Во время финской войны в армейской газете Ленинградского военного округа «На страже родины» работала бригада поэтов и писателей: Н. Тихонов, В. Саянов, А. Щербаков, С. Вашенцев, П. Солодарь и А. Твардовский.

Кто-то из этой «бригады» предложил назвать их общего героя Васей Тёркиным. Имя это встретило возражение, так как в одном из романов Боборыкина под этой фамилией выведен купец-пройдоха Василий Иванович Тёркин. Но этому совпадению имени Тёркина с именем боборыкинского героя Твардовский не придал никакого значения.

Вопросы, с которыми читатели обращаются к Твардовскому вот уже около десяти лет, при всем многообразии оттенков и частностей, поэт сводит к трем основным:

1. Вымышленное или действительно существовавшее в жизни лицо Василий Тёркин?

2. Как была написана эта книга?

3. Почему нет продолжения книги о Тёркине в послевоенное время?..

UNIVERSITY OF MICHIGAN

«Случаи адресования писем не мне, автору, а Василию Тёркину — также свидетельство представления о том, что Тёркин — живое лицо»... Тем не менее, Василий Тёркин, каким он является в книге, по словам поэта, «лицо вымышленное от начала до конца, плод воображения, создание фантазии»... «Но дело в том, что задуман и вымышлен он не одним только мною, — добавляет поэт, — а многими людьми, в том числе литераторами, а больше всего не литераторами, и в значительной степени самими моими корреспондентами. Они активнейшим образом участвовали в создании «Тёркина», начиная с первой его главы и до завершения книги, и поныне продолжают развивать в различных видах и направлениях этот образ».

В первое время основным автором «Тёркина» был А. Щербаков, красноармейский поэт, давнишний работник редакции «На страже родины».

«Успех у читателя-красноармейца Тёркин имел больший, — замечает Твардовский, — чем все наши статьи, стихи и очерки, хотя тогда к этому успеху мы все относились несколько свысока, снисходительно».

Но уже летом и осенью сорокового года Твардовский стал жить «этим замыслом». Поэту очень помогли разговоры с фронтовиками: шофером Володей Артюхом, кузнецом-артиллеристом Григорием Пулькиным, танковым командиром Василием Архиповым, летчиком Михаилом Трусовым, военврачом Марком Рабиновичем.

«В 1943 году мне казалось, — пишет Твардовский, — что в соответствии с первоначальным замыслом история моего героя завершается и я поставил было точку». Это почувствовали читатели и стали забрасывать поэта письмами. Твардовский тут же приводит отрывки из таких писем:

> «Очень огорчены вашим заключительным словом, после чего не трудно догадаться, что ваша поэма закончена, а война продолжается. Просим

UNIVERSITY OF MICHIGAN

вас продолжать поэму, ибо Тёркин будет продолжать войну до победного конца.

Сержант Шершнев
и красноармеец Соловьев».

«Уважаемый Александр (не знаю, как по отчеству), — писал боец Иван Андреев, — если вам потребуется материал, могу сделать услугу. Год на передовой линии фронта и семь боев кое-чему научили и кое-что дали мне».

«Я слышал на фронте рассказ бойца о Васе Тёркине, который в вашей поэме не читал, — сообщил П. В. Зорин из Вышнего Волочка, — может быть, он вас интересует?»

«Почему нашего «Василия Тёркина» ранило? — спрашивали меня в коллективном письме, — как он попал в госпиталь? Ведь он так удачно сшиб фашистский самолет и ранен не был. Что он — простудился и с насморком попал в госпиталь? — Так наш Тёркин не таковский парень. Так нехорошо. Не пишите так про Тёркина. Тёркин должен быть всегда с нами на передовой, веселым, находчивым, смелым и решительным малым...»

«Много таких писем, где читательское участие в судьбе героя книги перерастает в причастность к самому делу написания этой книги», — говорит Твардовский.

Еще в декабре 1944 года московский журнал «Знамя» поместил обзор писем фронтовиков, посвященных поэме «Василий Тёркин». Большинство читателей полюбило Тёркина вовсе не за его балагурство: за внешностью шутника и за шутливым тоном фронтовики верно почувствовали серьезность и правдивость поэмы. Среди почитателей «Василия Тёркина» нужно выделить группу участников первых недель войны, переживших

UNIVERSITY OF MICHIGAN

тяжелое отступление. Один из них, сержант Коньков, писал, что, читая поэму, у него исчезает представление о поэте и ему кажется «уж не был ли автор сам одним из Тёркиных?» Особенно сильное впечатление произвел на Конькова рассказ о том, как брел Василий Тёркин из окружения:

Шел наш брат босой, голодный,
Потерявши связь и часть,
Шел по-ротно и по-взводно,
Группировкою свободной
И один, как перст, — подчас.

Именно так, рассказывает Коньков, пришлось и ему пробираться из окружения. 260 километров он шел 72 дня, иной раз приходилось ползти по два-три километра. «Случалось, на мгновение, приходила мысль: бросить всё, что идти некуда, нет России». Немцы сбрасывали листовки, призывая «бродяг» прекратить розыски своих. Как и Тёркин, Коньков порой не знал, «где Россия, по какой рубеж своя». Но, как и Тёркину, ему удалось справиться со своим отчаянием и в конце концов добраться до своих. Случайно прочтя после возвращения отрывок поэмы, Коньков вспомнил все свои переживания первых недель войны, и ему захотелось достать всю поэму. В конце письма Коньков к своей фамилии прибавил: «Один из Тёркиных».

Другой корреспондент с фронта рассказал, что многие бойцы знают наизусть отрывки из «Тёркина» и в часы фронтового затишья часто можно услышать стихи «О шинели» или рассуждения о «сабантуях». В упомянутой выше статье Твардовского поэт дает следующее истолкование этому слову, как его употребляли фронтовики: «сабантуй» от сабан — плуг, туй — праздник (по-тюркски). Как это часто бывает с полюбившимся словечком, «сабантуй» имел много значений: «и ложное намерение и действительную угрозу со стороны

UNIVERSITY OF MICHIGAN

противника, и нашу готовность устроить ему угощение». Фронтовики говорили: «Немец угостил нас», «Веселую закуску преподнес», и т. п.

Помимо писем литературный резонанс «Тёркина» сказался в распространении на фронте подражаний поэме в виде писем «Васе Тёркину», и в самостоятельно разработанных эпизодах вроде «Трофеи Тёркина». Один боец даже задумал поэму о брате Васи Тёркина и обратился к Твардовскому с просьбой, чтобы он в своей поэме где-нибудь упомянул о том, что «у Васи есть брат, хотя бы двоюродный».

Когда в начале третьей части продолжение поэмы вдруг оборвалось, ефрейтор Зуев послал Твардовскому письмо в стихах, запрашивая — где Тёркин?

...На привале шутки, толки,
Кто-то вдруг сказал:
Где же наш Василий Тёркин?
Где он запропал?
. . . . . .
...Тёркин — парень в нашем вкусе,
Парень на все сто.
Веселил в часы досуга,
Помогал в беде,
Потерять такого друга...
Где ты, Вася, где?

В своем «Ответе читателям» Твардовский отмечает, что задолго до завершения «Тёркина» в редакции газет и журналов стали поступать «продолжения» «Тёркина» в стихах. Одним из первых опытов была «Третья часть Тёркина», присланная гвардии старшим сержантом Кондратьевым.

«Кроме продолжения «Тёркина» большое место среди писем читателей, особенно в послевоенное время, — пишет Твардовский, — занимают стихотворные посла-

UNIVERSITY OF MICHIGAN

ния к Василию Тёркину с настоятельными пожеланиями, чтобы «Книга про бойца» была мною продолжена».

Несмотря на всё ширившуюся популярность поэмы, Твардовский чувствовал, что ее герою — русскому солдату Василию Тёркину, отстоявшему свой народ и свою землю, после победы достанется... судьба миллионов советских солдат, что он перестанет быть героем для власти. В заключительной главе «От автора», опубликованной в августовской книжке «Знамени» за 1945 год, Твардовский обращается к своему герою, говоря:

Тёркин, Тёркин, в самом деле
Час настал, войне отбой.
И как будто устарели
Тотчас оба мы с тобой.

Еще раньше, предчувствуя грядущую несправедливость режима к своему герою, А. Твардовский писал:

И не знаем почему, —
Спрашивать не стали, —
Почему тогда ему
Не дали медали.

С этой темы повернем,
Скажем для порядка:
Может, в списке наградном
Вышла опечатка.

Поэт знал, как щедро раздавались медали и ордена политическим комиссарам и бойцам-партийцам, и он подчеркивает, что его Тёркин воевал не за медали:

Мне не надо, братцы, ордена,
Мне слава не нужна,
А нужна, больна мне родина,
Родная сторона!

UNIVERSITY OF MICHIGAN

Прощание поэта со своим героем овеяно глубоким лиризмом.

Опубликование заключительной главы вновь вызвало много откликов в стихах и прозе. Большинство их сводилось к тому, что читатели хотели и продолжают поныне хотеть знать про Тёркина «в условиях мирной жизни»:

«Одни желали бы, чтобы Тёркин, оставшись в рядах армии, продолжал свою службу, обучая молодое пополнение бойцов и служа им примером. Другие хотят его видеть непременно вернувшимся в колхоз и работающим в качестве предколхоза или бригадира. Третьи находят, что наилучшее развитие его судьбы было бы в работе на какой-нибудь из великих послевоенных строек, например, на сооружении Волго-донского канала».

> «По-моему, — пишет Твардовскому В. В. Леншин из Воронежской области, — вы и сами чувствуете и вам самому жаль, что вы кончили писать «Тёркина». Надо бы еще его продолжить... Написать, что делает Тёркин сейчас».

От себя Твардовский замечает, что «из продолжений и подражаний Тёркину можно было бы составить книгу, пожалуй, не меньшего объема, чем существующая «Книга про бойца».

И всё же Твардовский не решился удовлетворить желание своих многочисленных почитателей и не написал о жизни Василия Тёркина в мирное время. В заключение поэт намекает на то, что послевоенная обстановка в Советском Союзе настолько иная, что в ней трудно было бы продолжать писать: «Тёркин — книга, родившаяся в особой, неповторимой атмосфере военных лет... Завершенная в этом своем особом качестве, книга не может быть продолжена на ином материале». Твардовский еще раз оговаривает, что «Книга про бойца» —

UNIVERSITY OF MICHIGAN

произведение не собственно мое, а коллективного авторства».

Выйдя из полуфольклорной стихии, «Тёркин» сам породил множество вариантов и продолжений, т. е. вернулся, по выражению поэта, «туда, откуда вышел».

И здесь начинается «биография» Василия Тёркина С. Юрасова, автора романа «Враг народа». С. Юрасов — бывший подполковник советской армии, сам увлекался «Тёркиным», не раз слышал в лад Твардовскому создаваемые варианты в советской армии и в Советском Союзе и, оказавшись в конце концов на свободе, на Западе, написал «Василия Тёркина после войны». Многое в своей поэме Юрасов просто восстановил по памяти из того, что слышал. Так был написан тот «Тёркин», которого так хотели и создавали фронтовики и бывшие фронтовики.

UNIVERSITY OF MICHIGAN

UNIVERSITY OF MICHIGAN

ОТ АВТОРА

В оккупационных частях советской армии в Германии я много раз встречал солдат и младших офицеров с кличкою «Тёркин». Это были веселые ребята, заводилы, шутники-прибауточники. Почти каждая рота и каждый батальон имели своего «Тёркина». Многие из них даже не подозревали о литературном происхождении «Василия Тёркина», но знали много рассказов в стихах и прозе о приключениях бывалого солдата, часть которых описал в своей книге А. Твардовский, а больше такие, о которых он не писал и не мог писать.

В конце войны и в первые годы после победы мне пришлось много ездить по Советскому Союзу. С первым «Тёркиным» «на гражданке» я встретился на Урале в апреле 1945 года. Это был однорукий парень, бывший гвардии сержант, кавалер солдатского ордена Славы всех степеней. Он работал в «Доме приезжих» на вокзале в городе Асбесте, в котором я прожил несколько дней. От него я впервые услышал «Про солдата-сироту». Потом я встречал других «Тёркиных», чаще среди инвалидов войны. В поездах, на базарах они рассказывали или пели о похождениях Василия Тёркина на войне и после войны. Публике, особенно бывшим фронтовикам, их рассказы, песни и шутки, часто очень рискованные по содержанию, нравились и «Тёркиным» охотно подавали милостыню. Одну из таких картинок я описал в главе «В вагоне».

Часть книги «Василий Тёркин после войны» состоит из того, что я слышал в армии и в Советском Союзе — в этом ее значение. Некоторые места этой части совпадают с отдельными местами у А. Твардовского, но име-

UNIVERSITY OF MICHIGAN

ют совсем иной смысл. Что здесь является подражанием безымянных «Тёркиных» поэту, а что, наоборот, принадлежит фольклору и было использовано А. Твардовским, — сказать трудно. Поэт сам неоднократно свидетельствует о том, что он широко пользовался солдатским фольклором и помощью многочисленных «Тёркиных» еще с финской войны.

Написанное собственно мною по замыслу своему продолжает мотивы и настроения рассказов и песен «Тёркиных», которых я встречал.

Тематически книга состоит из двух частей: «Тёркин дома» — о похождениях солдата-победителя после демобилизации в условиях послевоенной советской жизни и «Тёркин-оккупант» — о его службе в оккупационной армии в Германии. Имеются и другие рассказы: о «Тёркине» в советском лагере и о «Тёркине»-перебежчике. Может быть, со временем мне удастся обработать и этот материал.

Можно сказать, что «Василий Тёркин» такой, каким он живет и поныне создается в гуще солдатских и народных масс, — это свободное народное творчество. Советские писатели и поэты в условиях партийной диктатуры лишены возможности пользоваться этим творчеством. «Книга про бойца» А. Твардовского могла появиться только в условиях войны, когда власть была вынуждена дать стране некоторые свободы, в том числе некоторую свободу творчества. После войны эти свободы были отняты.

Вся история с «Василием Тёркиным» напоминает мне слова покойного академика А. С. Орлова на одной из лекций о древней русской литературе в Ленинградском университете. Он сказал:

> «Сюжет или образ, созданный литературой, подобен глиняному сосуду, сработанному руками мастера. Со временем этот сосуд опускается на

UNIVERSITY OF MICHIGAN

дно океана-народа. Вынутый через многие годы со дна, он, сохраняя первоначальную форму, которую придал ему мастер, в фантастических растениях, драгоценных кораллах и ракушках предстает перед нами более жизненным и прекрасным. Так было со многими литературными образами и сюжетами, которые из книг попали в океан народного творчества».

С. Юрасов

UNIVERSITY OF MICHIGAN

UNIVERSITY OF MICHIGAN

ТЁРКИН ДОМА

Часть первая

UNIVERSITY OF MICHIGAN

UNIVERSITY OF MICHIGAN

ТЁРКИН НАШЕЛСЯ

По которой речке плыть,
Той и славушку творить.

С дней войны, с годины горькой,
В тяжкий час земли родной,
Не шутя, Василий Тёркин,
Подружились мы с тобой.

И никто не думал, право,
Что с печатного листа
Всем придешься ты по нраву,
А иным войдешь в сердца.

UNIVERSITY OF MICHIGAN

До войны едва в помине
Был ты, Тёркин, на Руси:
«Тёркин?» — «Кто такой?». А ныне
Тёркин — кто такой? — спроси.

— Тёркин, как же!
— Знаем!
— Дорог.
— Парень свой, как говорят.
— Тёркин — это тот, который
На войне лихой солдат,

На гулянке гость не лишний,
На работе хоть куда...
— Жаль, давно его не слышно.
— Может, что худое вышло?
— Может, с Тёркиным беда?

UNIVERSITY OF MICHIGAN

— Может, в лагерь посадили —
Нынче Тёркиным нельзя...
— В сорок пятом, — говорили, —
Что на Запад подался...

Где-нибудь сержант в каптерке
Вспоминает иногда:
— Где теперь Василий Тёркин?..
Вот был парень — это да!

Или где в углу пивнушки
С рукавом пустым солдат
Скажет после третьей кружки:
— Где ты, Вася — друг и брат?

Слух за слухом раздается,
Слухи ходят стороной,
Правда правдой остается,
А молва себе молвой.

UNIVERSITY OF MICHIGAN

Нет, товарищи, герою,
Столько лямку протащив,
Выходить совсем из строя, —
Извините! Тёркин жив!

Жив-здоров, орел, как прежде.
Помирать? — Наоборот.
Я теперь в такой надежде —
Сталина переживет!

Хуже редьки, хуже горькой
Стала жизнь в краю родном.
Повторяет так же Тёркин!
— Перетерпим, перетрем...

Снова пот и снова муки,
Горечь бедствий и потерь,
Много лет прошло в разлуке,
Что ж ты делаешь теперь?

UNIVERSITY OF MICHIGAN

Боевой мой друг-товарищ!
Тень войны кружится вновь,
Снова кашу-сечку варишь,
В деревнях грызешь морковь.

Отдохнуть не привелося,
Хоть и згинули враги.
Где стучат твои колеса?
Где ступают сапоги?

Посмотри: народ с рассвета
И до ночи запряжён,
И зимой, и в грязь, и летом
Ту же лямку тянет он.

Вся земля — от Подмосковья
До Амурского низовья,
От Камчатки до Днепровья
И на Север сторона —
Плачет, политая кровью,
Как в Ежова времена!

UNIVERSITY OF MICHIGAN

Всё у нас опять отнято:

Отвоеванная хата,

Завоеванных побед

Наша вера на рассвет,

Снова хлеб везут куда-то,

И без хлеба вновь ребята,

Снова мать над сыном тужит,

Снова коршун в небе кружит...

Праздник близок был, Россия,

Каждый с верою глядел...

Что же это ты, Василий,

Прозевал, недосмотрел?

Тёркин курит, смотрит строго,

Думой занятый своей,

Он прошел войны дорогу,

Волги-матушки длинней.

UNIVERSITY OF MICHIGAN

Он за Родину в обиде,
За народ таит упрек,
Много знал и много видел,
А победу не сберег.

— Мать моя — земля родная,
Вся смоленская родня,
Ты прости, за что — не знаю,
Только ты прости меня.

Не терялся в час жестокий
На дороге фронтовой,
А в родном тылу глубоком
Растерялся Тёркин твой.

— Мать-земля моя родная,
Вся Российская земля,
Ты прости, за что — не знаю,
Только ты прости меня.

UNIVERSITY OF MICHIGAN

Я не знал, что взором горьким

Встретишь ты своих ребят...

— Что ж ты, брат, Василий Тёркин,

Плачешь, вроде?

— Виноват...

ДЕНЬ ПОБЕДЫ В МОСКВЕ

День Победы никогда
Мы не позабудем,
Не сотрут его года,
Где мы жить не будем.

Над столичною Москвой
Лопались ракеты,
Оглушали нас пальбой
В славный день Победы.

Запрудил поток людской
Улицы, панели,
Барахлишко всей Москвой
Новое надели.

UNIVERSITY OF MICHIGAN

Целовалася Москва,
Пьяная от счастья,
Эй, гуляй-пляши, братва, —
Кончились ненастья!

На углу, среди прохожих
Приспособился солдат:
И целует всех пригожих
Майских девушек подряд.

Самокрутка из махорки.
Пригляделся: точно, он!
— Ты что делаешь тут, Тёркин?
Отвечает:
— Пригвожден.

Поцелуи, точно гвозди —
Оторваться не могу,
Средство верное от злости
К довоенному врагу.

UNIVERSITY OF MICHIGAN

Век бы стольких мне красавиц
Целовать не привелось...
Поцелуями заправясь,
Подобреет, может, злость.

Воевали не за это,
Так хоть что-нибудь урву
От Москвы и от победы —
Защищал я рядом где-то
И красавиц и Москву!

— Ты ли это, Вася Тёркин?
Весельчак, добряк — и вдруг:
В шутках злость и привкус горький...
Что с тобою, Тёркин-друг?

— Ничего. Не то бывает...
Помолчал. Достал кисет —
Память роты боевая.
Закурил и молвил:
— Нет!

UNIVERSITY OF MICHIGAN

Не для этого сражался,

В обороне загорал,

Не для этого старался

И Берлин далекий брал,

Не для этого был ранен,

Раз десяток умирал,

Не для этого в страданьях

Замерзал и голодал,

И товарищей терял!

Ради праздника все ждали:

Белый будет нынче хлеб!

Но и этого не дали, —

Как победу, хлеб украли,

Дали черный ширпотреб!

UNIVERSITY OF MICHIGAN

Что салют? — Завесы вроде
Дымовой — атака вслед:
Хочет партия в народе
Одержать пятьсот побед*.

За победную гулянку,
За ракеты над Москвой
Мы заплатим завтра лямкой
Над Россией, друг ты мой.

День Победы — это дата
Разделения труда:
Жизнь-жестянка для солдата,
А победа, как награда,
Опять Сталиным взята!

---

* В День Победы — 9 мая 1945 года в Москве салютные выстрелы производились из пятисот орудий.

ПРО МЕЧТЫ О ЛЮБВИ И ОТДЫХЕ

Тёркин — парень он такой,
Скажем откровенно:
Просто парень он собой
Так — обыкновенный,

И чтоб знали, чем силен,
Скажем откровенно,
Красотою наделен
Не был он отменной.

Не высок, не то, чтоб мал,
Но герой-героем:
За народ свой воевал
И Отчизну отстоял
Храбрым смертным боем!

UNIVERSITY OF MICHIGAN

Парень верный, парень, словом,
Мировой, короче — свой.
Был он демобилизован
И веселый шел домой.

Шел домой легко и браво,
По причине по такой,
Что махал рукою правой,
Как и левою рукой.

Хорошо идти, спокойно —
Жив остался, невредим
Под огнем косым, трехслойным,
Под навесным и прямым...

Сколько раз в пути привычном,
У дорог, в пыли колонн,
Был рассеян он частично,
А частично истреблен!

UNIVERSITY OF MICHIGAN

Но войне отбой, однако,

И домой идет вояка.

Всё же с каждым переходом,

С каждым днем чем ближе к ней,

Сторона, откуда родом,

Становилася больней.

— Мать-земля моя родная,

Сторона моя лесная,

Приднепровский отчий край,

Здравствуй, сына привечай!

Мать-земля моя родная,

Я твою изведал власть,

Как душа моя больная

Издали к тебе рвалась!

UNIVERSITY OF MICHIGAN

Я загнул такого крюку,
Я прошел такую даль,
Я видал такую муку,
И такую знал печаль.

Мать-земля моя родная,
Дымный дедовский большак,
Я про то не вспоминаю,
Не хвалюсь, а только так...

Я иду к тебе к востоку,
Я тот самый, не иной,
Ты взгляни, вздохни глубоко,
Встреться наново со мной...

Шел и думал — с полустанка —
Про старушку мать, про дом,
Про тот вечер, про гулянку,
Где любовь узнает он.

UNIVERSITY OF MICHIGAN

И про то, что он достоин...

Что теперь понять должны...

Дело самое простое —

Человек идет с войны.

Человек идет с похода,

Видел Запад, знает много,

Он теперь желает жить,

Быть любимым и любить.

И, мечтая про вечорку,

Шел и думал человек:

Угостят друзья махоркой,

А он вытащит «Казбек».

И как будет папиросой

Угощать ребят вокруг,

Как на всякие вопросы

Отвечать не станет вдруг:

UNIVERSITY OF MICHIGAN

Как, мол, что? — Бывало всяко.
Трудно всё же? — Как когда.
Много раз ходил в атаку? —
Приходилось иногда.

А девчонки на вечорке
Позабудут про ребят,
Только слушают девчонки,
Как ремни на нем скрипят.

И как будет между ними
Та, заветная, одна...
Что ей скажет, как обнимет,
Как зардеется она...

Он не знал, какого цвета
Будут милые глаза,
Ни лица, ни как одета,
Ни какие волоса...

UNIVERSITY OF MICHIGAN

Но куда же сердцу деться
Молодому на пути?
Шел солдат домой, и сердце
Тихо, таяло в груди.

Вдруг сигнал за поворотом —
Показался грузовик,
Тромозит:
— Садись, пехота!
Знать, водитель — фронтовик.

— Далеко ль?
— В деревню Горки.
— Ну, порядок — по пути.
А ты чей?
— Василий Тёркин.
— А... А нет ли, брат, махорки?
— Есть, конечно, на, крути.

UNIVERSITY OF MICHIGAN

Едут, курят. Гроб — дорога:
Грузовик то вверх, то вниз.
Оба стали понемногу
Разговаривать про жизнь...

— Я по чистой год как списан,
Ранен был... Варшаву брал...
Хоть и знал про жизнь из писем,
Но такой не ожидал.

За баранкой, как на фронте,
День и ночь... Как чорт устал...
Дотемна в колхозной роте
Вкалывает мал и стар.

То посев, а то уборка,
То копать какой-то ров,
То очередная гонка
В лес на заготовку дров...

UNIVERSITY OF MICHIGAN

Дети матери не видят,
Бабы мужа и детей,
И в каком бы не был виде,
Всё — давай! Давай! Скорей!

Укрупненным-то колхозам
Укрупнен поставок план...
Урожай везут обозы
На ссыппункты по ночам.

А получку — одну малость
Выдают на трудодень,
По весне в домах осталось
Только пыль, труха да тень.

Ну, а нам, что помоложе,
Так совсем не жизнь, а кнут!
Кто смелей, да кто, как может,
В города тайком бегут.

UNIVERSITY OF MICHIGAN

Ни одёжи, ни махорки,
Ни веселья, ни вечорки,
Ни девчат, ни то, чтоб что —
Дать на праздник грамм по сто!

Нет, товарищ мой хороший,
Не за то я воевал...
Соберусь и к чорту брошу!
Надоело... И устал...

Молча слушал Вася Тёркин,
Знал, что встретился в пути
Со своей судьбой, что горькой
Будет доля впереди...
И мечты, как дым махорки,
С болью таяли в груди.

И едва ль уже наш Тёркин,
Жизнью тёртый человек,
При девчонках на вечорках
Помышлял курить «Казбек».

UNIVERSITY OF MICHIGAN

Так ли нет — сказать — не знаю,
Только вдруг от мысли той
Сторона ему родная
Показалась сиротой.

Сиротинкой, что не видно,
На народе, на кругу...
Стало так ему обидно, —
Рассказать вам не могу.

UNIVERSITY OF MICHIGAN

ВОСПОМИНАНИЕ О ПЕРЕПРАВЕ

— Дело было под Полтавой:
Бились мы за переправу...
Дважды плавал я тогда...
Кому память, кому слава,
Кому темная вода —
Не осталось и следа.

Помню лед и помню воду,
Немцы клали наших в ряд...
Густо было там народу,
Наших стриженых ребят.

Хоть и было невпервые, —
Не забудется оно —
Люди теплые, живые
Шли на дно, на дно, на дно...

UNIVERSITY OF MICHIGAN

Переправы след кровавый
Смыт давно, исчез во мгле,
Позабыла власть наш правый
Смертный бой не ради славы,
Ради жизни на земле.

Я тогда всего награды
Одну стопку получил, —
На войне мы были рады,
Не страшились и снаряда,
Если глотку промочил.

Орден дали комиссару,
Что умел поддать нам жару,
Так, что лез в огонь и лед
Серый, стриженый народ.

UNIVERSITY OF MICHIGAN

Комиссар тот — ваш знакомый,
Секретарь теперь райкома:
На гражданке нас берет
В тот же самый переплёт!

Чтоб, о доме забывая,
От зари и до зари,
Чтобы потом обливаясь,
Гнули спину косари.

Чтоб заем, налог, поставки,
План, заданье, встречный дать,
Чтоб учет во всём — до травки,
Чтоб забыл отца и мать.

Чтоб молясь сто раз цитатой
Из газет, забыть ребят,
Что пошли на дно когда-то
За Россию, чтоб назад
Не глядел усталый взгляд.

UNIVERSITY OF MICHIGAN

Мертвым писем не напишешь
На речное дно,
Мертвые живых не слышат,
Мертвым — всё равно.

Но за них моя обида
Много тяжелей,
Не за то они убиты,
Не за слёзы матерей,
Не за стоны лагерей.

Воевали — обещали:
Отдохнем потом,
Победили — нам сказали:
После отдохнем.

Секретарь живет на даче,
Орден бережет,
Над сынами баба плачет —
Снова лиха ждет.

UNIVERSITY OF MICHIGAN

Плачь, Россия, плачь слезами,
Отдохнуть не привелось,
Точат слезы землю-камень,
Чтоб пробить ее насквозь.

Лейтесь, слезы, лейтесь сами,
Больше ночью, меньше днем,
Шар земной пробьем слезами
И в Америку пройдем.

UNIVERSITY OF MICHIGAN

ПРО БАБУШКУ

— Дело было под Берлином.
Встретил бабку с посошком,
Шла она дорогой длинной
В пестром сборище людском.

— Стой, ребята, не годится,
Чтобы этак с посошком
Шла домой из-за границы
Мать солдатская пешком.

Нет, родная, по порядку
Дай нам делать, не мешай!
Перво-наперво лошадку
С полной сбруей получай.

UNIVERSITY OF MICHIGAN

Получай экипировку,
Ноги ковриком укрой,
А еще тебе коровку
Вместе с приданной овцой.

В путь-дорогу чайник с кружкой,
Да ведерко про запас,
Да перинку, да подушку, —
Немцу в тягость, нам как раз...

— Ни к чему. Куда, родные?
А ребята — нужды нет —
Волокут часы стенные
И ведут велосипед.

— Ну, прощай. Счастливо ехать!
Что-то силится сказать,
И закашлялась от смеха,
Головой качает мать.

UNIVERSITY OF MICHIGAN

— Как же, детки, путь не близкий,
Вдруг задержат где меня:
Ни записки, ни расписки
Не имею на коня.

— Ты об этом не печалься,
Поезжай и поезжай, —
Что касается начальства, —
Ты на них теперь начхай.

Поезжай, кати, как с горки,
А случится что-нибудь,
То скажи, не позабудь,
Мол, снабдил Василий Тёркин —
И тебе свободен путь.

Будем живы, в Заднепровье
Завернем на пироги.
— Дай Господь тебе здоровья
И от пули сбереги...

UNIVERSITY OF MICHIGAN

— Очень были мы довольны
Этим случаем и днем, —
Пограничный пункт контрольный,
Пропусти ее с конем!

Мне недавно в Заднепровье
Выпал случай побывать,
Вспомнил бабушки здоровье
И решил к ней крюку дать.

Отыскал колхоз «Победу»,
Отыскал я избача,
Так и так, мол, бабка где тут,
Что в Берлине повстречал?

Тары-бары, растабары, —
Мне избач и говорит
(С костылем, совсем не старый,
Видно, с фронта инвалид):

UNIVERSITY OF MICHIGAN

— Вижу, парень ты бывалый,
Боевой солдат, видать,
Только как-бы мать не стала
Тебя с хаты в шею гнать!

Помнит все твои подарки,
Ох, как помнит — не забыть,
Только как бы она палкой
Нас не вздумала крестить!

Пост контрольный, пограничный
Задержал ее с конем,
Допросил начальник лично —
Понимаешь сам, о чем...

Ничего, кабы отняли —
Ей не жалко барахла...
В лагерях пять лет держали, —
Еле-еле отошла!

UNIVERSITY OF MICHIGAN

— Вот она какая штука,
Славно мать ты наградил...
Мы прошли войны науку,
А наука впереди!

«Вот те, думаю, заехал!»
А как к хате подошли,
То совсем сробел и сдрейфил,
Откатило от души.

Но, на наше удивленье,
Лаской встретила она,
Выставила угощенье —
Даже баночку варенья,
Даже чарочку вина.

Угостила, рядом стала
Земляку-бойцу подстать,
Деревенская, простая
Наша труженица-мать.

UNIVERSITY OF MICHIGAN

Мать святой извечной силы,
Из безвестных матерей,
Что в труде неизносимы
И в любой беде своей.

Что судьбою, повторенной
На земле сто раз подряд,
И растят в любви бессонной,
И теряют нас, солдат.

И живут и рук не сложат,
Не сомкнут своих очей,
Коль нужны еще, быть может,
Внукам, вместо сыновей.

— Вот что я скажу, ребята,
Правду матери скажу:
И какие ж вы, солдаты,
Дураки, как погляжу!

UNIVERSITY OF MICHIGAN

Воевали, умирали,
Я звалась у немцев «ост»,
Столько горя мы узнали,
А оружие как сдали —
Всё пошло коту под хвост!

Пусть же будет вам наукой:
Не умели воевать;
Не умели ружья руки
Крепко-накрепко держать.

Но когда наступят даты —
Новых войн прочтут приказ,
Вспомните меня, солдаты,
Материнский мой наказ!

UNIVERSITY OF MICHIGAN

ПРО СОЛДАТА СИРОТУ

Был земляк не стар, не молод,
Но с войны пришел седой,
Не такой уже веселый,
А скорей и вовсе злой.

Даже в годы, когда драпал,
Бодрый дух всегда берег,
Повторял: «Вперед на запад!»,
Продвигаясь на восток.

В общем, битый, тертый, жженый,
Раной меченый двойной,
Даже трижды награжденный,
Возвратился он домой.

UNIVERSITY OF MICHIGAN

Возвратился, как другие,
Всю войну о том мечтал,
Только что-то он России
Сразу будто не признал.

Оглянулся он на Запад,
Головой поник седой:
Край родной, за что ж ты заперт
За железною стеной?

Нет, казалось, такой силы,
Русской, собственной, своей.
Но опять стоит Россия
У кремлевских у дверей.

Срок иной, иные даты,
Мысли были не легки...
Вышли, встретили солдата
Оборванцы земляки.

UNIVERSITY OF MICHIGAN

Вышли молча, не спросили
Ни о чем... Стоит не свой.
Только бабы голосили
У соседа за стеной.

— Всю родню арестовали
В дни, когда ты брал Берлин...
— Вот за что вы воевали, —
Шопотом сказал один.

— Воевали — обещали
Волю дать, а дали вот...
— За народ вы воевали,
Вышло всё наоборот...

Был солдат слуга народа,
С честью думал доложить:
Воевал четыре года,
Воротился из похода,
А теперь желаю жить.

UNIVERSITY OF MICHIGAN

Дом родной, жена и дети,
Брат, сестра, отец и мать —
Всё погибло и на свете
Некому тебе писать.

На земле всего дороже,
Коль имеешь про запас
То окно, куда ты можешь
Постучаться в некий час.

На походах, заграницей,
В чужедальной стороне
Ах, как бережно хранится
Боль-мечта о том окне!

А у нашего солдата,
Хоть войне давно отбой,
Ни окошка нет, ни хаты,
Ни хозяйки, хоть женатый,
Ни сынка, а был, ребята, —
Рисовал дома с трубой.

UNIVERSITY OF MICHIGAN

И бездомный, и безродный,
Придавив зубами стон,
Земляков ел суп холодный
После всех и плакал он.

Ел за домом, у канавы,
С горькой, детской дрожью рта,
Плакал, сидя с ложкой в правой,
С хлебом в левой — сирота.

Плакал, может быть, о сыне,
О жене, о чем другом,
О себе, что знал: отныне
Плакать некому о нем.

Должен был солдат и в горе
Закусить и отдохнуть,
Потому, друзья, что вскоре
Ждал его далекий путь.

UNIVERSITY OF MICHIGAN

Путь далекий — до болота,
До лесной глуши лежал:
Там в лесу остался кто-то,
Мстил властям и друга ждал.

Грозен счет, страшна расплата
За милльоны душ и тел,
Уплати — и дело свято,
И вдобавок за солдата,
Что в войну осиротел!

UNIVERSITY OF MICHIGAN

ПРО ИНВАЛИДА И МИЛИЦИОНЕРА

Дело было на базаре —
Инвалид безногий пел:
Про войну, и про пожары,
Про товарищей удел.

На груди его медали
За Москву и за Берлин...
Люди слушали, вздыхали,
Милостыню подавали,
Кто полтинник, кто алтын.

Над медалями солдатский
Орден Славы боевой...
Люд рабочий, люд крестьянский
Слушал горестно его.

UNIVERSITY OF MICHIGAN

И глядели, и вздыхали
За безногих, за больных,
Бабы слезы вытирали
И, жалея, вспоминали
Про сынов, мужей своих.

Оборвалась песня сразу —
Грозный окрик:
— Разойдись!
Ты опять завел, зараза,
Агитацию на жизнь!

И толкая в хвост и в гриву,
К инвалиду сквозь толпу
Пробирался мент по виду —
Боров с звездочкой на лбу.

— Тоже ж мне нашелся Тёркин!
И, схватив, как ломовик,
Он порвал у гимнастерки
Выгоревший воротник.

UNIVERSITY OF MICHIGAN

Отшвырнул ногою шапку,
Чтоб рассыпались гроши,
Инвалида взял в охапку —
— Разойдись! — и потащил.

Кто был рядом, те слыхали
Жалобный калеки стон,
Кто был рядом, те видали
Боль-слезу в глазах — за что?

И тащил калеку боров,
Как мешок крупы какой,
Ни протеста, ни укора
Не раздалось над толпой.

Расступались для проходу,
Провожали позади...
Мент тащил, крича народу:
— Разойдись и осади!

UNIVERSITY OF MICHIGAN

И никто не смел, казалось,
Заступиться, подойти,
Только вдруг в толпе раздалось:
— Эй, приятель, погоди.

Видит мент: стоит какой-то,
Не дает ему пройти, —
— Осади!
— Да ты постой-ка,
Раньше парня отпусти.

В жизни часто так бывает:
Мент опешил — кто такой?
Инвалида выпускает,
И калека за толпой
В миг исчез, как за волной.

UNIVERSITY OF MICHIGAN

Но опомнясь, свирепеет
Боров-мент: за пистолет,
Только парень был смелее —
Раз ногой — нагана нет!

— А, ты так! — и парню в челюсть,
Так, что челюсть подалась,
Тот пригнулся и, не целясь,
Хряснул мента промеж глаз.

Мент был сытый, береженный,
Дармовым добром кормленный,
На измученной земле
Отоспавшийся в тепле.

Сдачу дал рукой в перчатке,
Сам уверен, не кричит,
Парень знал, что в этой схватке
Он слабей: не те харчи.

UNIVERSITY OF MICHIGAN

И опять схватились с жаром,

Об ином уже не речь, —

Ладит парень от ударов

Хоть бы зубы уберечь.

Но покуда парень зубы,

Сколько мог, свои берег,

Двинул мент его, как дубом,

Да не в зубы, а под вздох.

Охнул парень: плохо дело,

Плохо, думает боец,

Хорошо, что легок телом —

Отлетел, а то б — конец...

Устоял — а сам с испугу

Но такого дал леща,

Так, что собственную руку

Чуть не вырвал из плеча.

UNIVERSITY OF MICHIGAN

Чорт с ней! Рад, что не промазал.
Кулаки ведут свой счет,
Мент глядит и правым глазом
Наблюденья не ведет.

Двое топчутся по кругу,
Словно пара на лугу,
И глядят в глаза друг другу:
Зверю — зверь и враг — врагу.

Драка — драка, не игрушка:
Хоть огнем горит лицо,
Но и мент уж красной юшкой
Разукрашен под яйцо.

Бьются двое на базаре,
Загорожены толпой,
Чтоб никто не видел пары,
Чтоб никто не видел парня,
Парня с русой головой.

UNIVERSITY OF MICHIGAN

Парня в старой гимнастерке,
Кто такой — никто не знал,
Только дед один в опорках
Вспомнил вдруг:
— Да это ж Тёркин!
Ванькин сын! Вот это дал!

Как на древнем поле боя,
Грудь на грудь, что щит на щит,
Вместо тысяч бьются двое,
Словно схватка всё решит.

Бьется Тёркин, бьется бравый,
Так, что пыль идет горой,
То народ и власть-держава
Словно спор решают свой.

UNIVERSITY OF MICHIGAN

Бьется Тёркин, бьется бравый,
Так, как бился на войне,
И уже рукою правой
Он владеет не вполне.

Кость гудит от раны старой,
И ему, чтоб крепче бить,
Чтобы слева класть удары,
Хорошо б левшою быть.

Кровь из носа, но однако,
В самый жар вступает драка.
Мент — он горд, и Тёркин горд;
Тот — за власть, тот — за народ.

— Бей, не милуй. Зубы стисну,
А убьешь, так и потом
На тебе, как клещ, повисну,
Мертвый буду на живом.

UNIVERSITY OF MICHIGAN

Добрым людям люди рады,
Ну, а ты другим силён:
Бить калеку — твой порядок?
Нам хомут — тебе закон?

Кто ж ты есть? На фронт — так нету,
Молодец среди овец,
Человек по́ всем приметам, —
Человек ты? Нет. Подлец.

За калеку и за этот
Замордованный народ...
Ах, ты вот как! Бить кастетом?!
Ну, держись, собачий рот!
Драка всякая близка мне, —

Злость и боль собрав в кулак,
Подхватив ближайший камень,
Тёркин мента — с левой — шмяк!
Тот шатнулся и обмяк...

UNIVERSITY OF MICHIGAN

Тёркин ворот нараспашку,
Дышит трудно, дышит тяжко.
В страхе шепчут земляки:
— Пропадешь! Давай беги!

Окружили инвалиды:
— Будь спокоен, корешок,
Не такие знали виды...
Дуй за нами. Хорошо!

UNIVERSITY OF MICHIGAN

В ВАГОНЕ

Кто на полках, кто в проходе,
Кто в уборной, а кто вроде
Навесу в волнах махры —
Вешают же топоры.

Дети, бабы, полушубки,
Сундуки, узлы, мешки,
Храп и вонь вторые сутки...

От вагонной от тоски
Подрались бы мужики,
Если б не было в народе,
Если б не было в проходе
На полу, как на панели,
Парня в старенькой шинели.

UNIVERSITY OF MICHIGAN

Жить в вагоне можно сутки,
Можно больше, но порой
Невтерпеж, когда б не шутки
Парня в шапке фронтовой.

Не прожить, как без махорки,
От стоянки до другой
Без хорошей поговорки
Или присказки какой,
Без тебя, Василий Тёркин,
Наш товарищ и герой!

А всего иного пуще
Не прожить наверняка —
Без чего? — Без правды сущей,
Правды прямо в душу бьющей,
Да была б она погуще,
Как бы ни была горька.

UNIVERSITY OF MICHIGAN

— В тесноте, да не в обиде —
Равноправия пример...
Не услышит, не увидит
Никакой милицьонер!

— Каждый ездит в третьем классе,
Не для каждого купе,
Третий класс, он ближе к массе,
Первый класс — к ВКП(б).

— Поездов таких нет в мире,
Как у нас в СССР:
Бег с препятствием к сортирам
Для веселья пассажирам —
Чем не спорт вам, например!

На полу сидит сутулясь,
Ноги где-то под скамьей...
Тетка в страхе оглянулась,
Шепчет:
— Парень будто свой?

UNIVERSITY OF MICHIGAN

— Вы, мамаша, не глядите —
Это место не продам,
Получил, как победитель,
Только Сталину отдам.

— Свой ли? — вновь переглянулись
Пассажиры меж собой,
— Свой, конечно, — улыбнулись,
— Парень тот! Видать, что свой...

Балагуру смотрят в рот,
Слово ловят жадно,
Правду режет, обормот,
Весело и складно.

За вагонною стеной
Дождик непогодит,
Хорошо, как есть такой
Парень на проходе.

UNIVERSITY OF MICHIGAN

И несмело у него
Просят: ну-ка на ночь
Расскажи еще чего,
Василий Иваныч...

— Нет, ребята, спать пора,
Начинай стелиться,
Может вдруг мне до утра
Что-нибудь приснится?

Будто я в купе с женой,
На столе мадера,
Будто нету надо мной
Милиционера...

Будто по Москве брожу,
Наряжен по моде,
В Кремль с ребятами хожу
На прогулку вроде...

UNIVERSITY OF MICHIGAN

Доброй ночи, третий класс,
Спит, наверно, первый,
Правда, классов нет у нас,
Но зато есть стервы.

Спите крепко, земляки,
Если нет подушек,
Подложите кулаки
Крепкие под уши.

Отсыпайся, третий класс,
Отсыпайся вволю,
Будет станция у нас —
Поменяться ролью.

Спите крепко, земляки,
Берегите нервы,
Пригодятся кулаки
Разгонять класс первый.

UNIVERSITY OF MICHIGAN

«Баю-баюшки», — поет
Мать на верхней полке.
Помолившись за народ,
Спать ложится Тёркин.

И шинельку подтянул,
Укрывая спину,
Чью-то тещу помянул,
Печку и перину.

От уборной след сырой,
Аромат знакомый,
На полу сыром герой
Спит себе, как дома.

И не видно, чтобы он
Удручен был этим,
Чтобы сон ему не в сон,
Что-нибудь на свете.

UNIVERSITY OF MICHIGAN

Спит, хоть голоден, хоть сыт,

С земляками в куче,

Спать за вечный недосып,

Спать в запас приучен.

UNIVERSITY OF MICHIGAN

ПРО ГАРМОНЬ

Скучно-скучно у крылечка,
Зевота карёжит рты,
— Хоть бы, Тёркин, ты словечко
Подпустил от зевоты.

Не меняя скучной позы,
Отвечает Тёркин мой:
— Ну, и жизнь: во всем колхозе
Нет гармошки ни одной.

Далеко над темным лесом
Первых звезд мерцает свет,
Никакого интереса
Жить в колхозе парням нет.

UNIVERSITY OF MICHIGAN

— Стало быть, шабаш, ребята...

— От тоски подохнешь здесь...

Только кто-то вдруг из хаты

Говорит:

— Гармонь-то есть...

Слышат парни: голос кроткий,

Видят: бледное лицо,

Видят: что-то Марья-тётка

Подает им на крыльцо.

Подает в футляре Марья

Им трехрядную гармонь,

Но молчат смущенно парни,

Будто кто сказал: не тронь.

Знали парни, что гармошку

Тётка годы берегла,

Берегла и всё Тимошку,

Всё сынка с войны ждала.

UNIVERSITY OF MICHIGAN

Знали, плачет сиротина
По ночам над ней в избе,
Гладит ласково, как сына,
Горько жалуясь судьбе.

Хорошо играл когда-то
На гармони Тимофей...
— Ничего, бери, ребята,
Ведь гармонь не виновата,
Что ж ей ждать... Бери, Бог с ней.

И с неловкою улыбкой
Тёркин взял гармонь из рук,
Словно тётку он ошибкой,
Нехотя, обидел вдруг.

Сел, ссутулился немножко,
Будто кто вздохнул в мехах,
И вдруг стала та гармошка
Оживать в его руках.

UNIVERSITY OF MICHIGAN

Позабытый деревенский
Вдруг завел, глаза закрыв,
Стороны родной смоленской
Грустный памятный мотив.

И от той гармошки старой,
Что осталася одна,
Как-то вдруг теплее стало
На крылечке у окна.

И от хат — уже стемнело —
Шел народ, как на огонь.
И кому какое дело —
Кто играет, чья гармонь!

А гармонь зовет куда-то,
Далеко легко ведет,
Ах, какой вы все, ребята,
Ах, какие ж вы, девчата,
Молодой еще народ!

UNIVERSITY OF MICHIGAN

Я не то еще сказал бы,
Про себя поберегу,
Я не так еще сыграл бы —
Жаль, что лучше не могу.

Разговаривают пальцы —
Надо помощь скорую.
— Знаешь, брось ты эти вальсы,
Дай-ка ту, которую...

Тёркин сдвинулся немножко,
Оглянулся молодцом,
И как-будто ту гармошку
Повернул другим концом.

И забыто — не забыто,
Чья гармонь, где сын, где мать,
Где и кто лежит убитый,
И кому еще лежать.

UNIVERSITY OF MICHIGAN

И кому еще живому
По земле траву топтать,
И кого во век до дому
Не дождется чья-то мать...

Плясуны, за парой пара,
С места кинулися вдруг.
Засмеялись девки парням,
Завертелся тесный круг.

— Веселей нажмите, дамы!
— На носки не наступать!
И бежит шофер тот самый,
Опасаясь опоздать.

Растолкал, что с танца сбились,
Замешался тесный круг,
Крикнул так, что раступились:
— Дайте мне, а то помру!

UNIVERSITY OF MICHIGAN

И пошел, пошел работать,
Наступая и грозя,
Да как выдумает что-то,
Что и высказать нельзя.

Удивленные девчонки
Прижимаются к избе.
Прибаутки, поговорки
Сыпет под ноги себе.

Подает за штукой штуку:
— Эх, жаль, что нету стуку,
Эх, друг,
Кабы стук,
Кабы вдруг
Мощеный круг!
Кабы тапочки отбросить,
Подковаться на каблук,
Припечатать так, чтоб сразу
Каблуку тому каюк!

UNIVERSITY OF MICHIGAN

А гармонь ведет куда-то.
Далеко, легко зовет,
Нет, какой же вы, ребята,
Удивительный народ.

Хоть бы что ребятам этим,
Позабыт колхоз и стон,
Позабыто всё на свете —
Хоть бы что — гудит гармонь.

Я не то еще сказал бы, —
Про себя поберегу,
Я не так еще сыграл бы, —
Жаль, что лучше не могу.

Я забылся на минутку,
Заигрался на ходу,
А теперь другую шутку
Про иное заведу.

UNIVERSITY OF MICHIGAN

— Эх, играй, играй, гармошка,
Чтоб на зависть соловью,
Я колхозные частушки
Под гармошку вам спою.

Если б не было жены,
Не было бы тещи:
Если б не было колхоза,
Не ходил бы тощим.

Если б не было земли,
Не было бы неба,
Госпоставки отвезли
И сидим без хлеба.

Если б не было тюрьмы,
Если б не милиция,
Разговаривали б мы
С радостными лицами.

UNIVERSITY OF MICHIGAN

Скоро, скоро Троица,

Наш колхоз накроется...

Лопухом и лебедой —

Передохнем все весной.

Наш шофер за кучера —

Замучило горючее:

Запряг пару лошадей —

Погоняй, брат, поскорей.

Выйду в поле, в огород,

Помолюся за народ,

Чтоб цвели, росли картошки,

Чтоб не вытянули ножки

Не грусти, моя гармошка,

Разливайся соловьем,

Не останется картошки —

Госпоставки отдаем.

UNIVERSITY OF MICHIGAN

Разгулялся ветер в поле
И зовет с собой, зовет,
От колхозной нашей доли
Я сорвуся на завод.

На заводе Машу встречу,
Мне расскажет обо всем,
И однажды в теплый вечер
Мы с завода удерем.

Где-то есть в лесу полянка,
Себе выроем землянку,
Перетерпим, перетрем
И счастливо заживем.

Воевали, воевали,
А теперь заплакали,
То свободу обещали,
А теперь заакали.

UNIVERSITY OF MICHIGAN

Говорят, опять война —

Мое сердце радо:

Сталина сожрет она —

Так ему и надо.

Эх, калина-ка́лина,

Нам не надо Сталина,

Нам не надо ВКП,

Жить хотим мы по себе.

Песня спета до конца,

Милые приятели,

Вспомните «вождя-отца»

И пошлите к матери.

. . . . . .

— Ну, и Тёркин, ну, и малый,

И в кого ты удался,

Только мать, наверно, знала...

— Я от тетки родился.

UNIVERSITY OF MICHIGAN

— Тёркин-теткин, ёлки-палки,

Сыпь еще на зло врагу!

— Не могу. Таланта жалко.

На потом поберегу.

Песни разные на выбор,

Часть оставлю про запас.

— И на том тебе спасибо.

— На здоровье. В добрый час.

UNIVERSITY OF MICHIGAN

КОЛХОЗНЫЙ СТОРОЖ

Ходит сторож, носит грозно
Дулом книзу ружьецо.
Ночью на земле колхозной
Сторож — главное лицо.

Осторожно, однотонно
У столба отбил часы,
Ночь давно. Армяк суконный
Тяжелеет от росы.

И по звездам знает сторож, —
По приметам, как всегда,
Тень двойная станет скоро
Проходить туда-сюда.

UNIVERSITY OF MICHIGAN

Молодым — любовь да счастье,
Хороша соседа дочь!
Провожает Тёркин Настю,
Провожаются всю ночь.

Проведет он до порога:
— Ну, прощай, стучись домой...
— Нет, и я тебя немного
Провожу, хороший мой...

И доводит до окошка:
— Ну, прощай, хороший мой...
— Дай и я тебя немножко
Провожу теперь домой...

Дело близится к рассвету,
Ночь свежеет — не беда,
— Дай и я тебя за это...
— Дай и я тебя тогда...

UNIVERSITY OF MICHIGAN

Под мостом курлычет речка,
Днем неслышная совсем.
На остывшее крылечко
Отдохнуть старик присел:

— Что мне шляться влево-вправо?
Что я буду сторожить?
От кого? И кто дал право
Не давать народу жить?

Чудаки! Голодным детям
Мать картошки накрадет...
Это ли зовут на свете
Воровством? — Свое берет.

Вор один — в Кремле удавом
Озирается кругом,
Воровство назвал он правом,
Справедливость — воровством.

UNIVERSITY OF MICHIGAN

Сторожить меня поставил,
Самому чтоб больше взять —
Займов, взносов да поставок, —
А народу голодать.

В небе звезды, словно свечки,
Тихо светят. Тишина.
На остывшем на крылечке
Деда тень едва видна.

Свесил голову, как птица,
Ружьецо у ног, как кол.
— Что-то, дед, и мне не спится, —
Тёркин к деду подошел.

— Ну, садись. А мне привычно.
Тем и должность хороша:
Ночью обо всем отлично
Можно думать не спеша.

UNIVERSITY OF MICHIGAN

О земле, забытом Боге,
О скитаниях людей,
О своей, твоей дороге,
О судьбе твоей, моей.

Позабыт порядок древний,
Жизнь, конечно... Да не та...
Правят нынче на деревне
Суета да маята...

Посох вырезать бы крепкий,
Сто рублей в пиджак зашить,
И пойти, как наши предки,
По Руси, покуда жив.

По окольным по дорогам
Обойти Россию всю,
За народ просить у Бога
На молитве где в лесу.

UNIVERSITY OF MICHIGAN

Горе всякое сносили —
Завещал терпеть Иисус...
Не один же я в России
Верен Богу остаюсь.

Где-нибудь тропой ночною
Старец с посохом бредет.
Мы вот здесь сидим с тобою,
Говорим, а он идет.

А дорог на свете много,
Пролегли и впрямь и вкось,
Ходят люди по дорогам,
Жаль одно, что ходят врозь.

В небе вспыхнула зарница.
— По весне слыхал о том,
Как пошел через границу
Человек один пешком.

UNIVERSITY OF MICHIGAN

И идет, поди, далече,

Без куска, один, как перст,

На войне был искалечен,

А обижен властью здесь.

По лесам идет, по тропам,

По долинам древних рек,

Пробирается в Европу,

Как из плена, человек.

Он идет тропой глухою,

Смерть повсюду стережет.

Мы вот здесь сидим с тобою,

Говорим, а он идет.

Мало всякое начало —

К большаку ведет тропа...

Говорят еще — с канала

Пробирается Степан.

UNIVERSITY OF MICHIGAN

Он идет, жилье минуя, —
Для чего ему канал?
Потерял семью родную,
Дом и двор свой потерял.

Придавив тоску зубами,
Знает, с кем свести расчет,
Днями спит, идет ночами...
Мы сидим, а он идет...

В небе звезды поредели,
Поседело всё вокруг,
Где-то первые пропели
Петухи спросонья вдруг.

— Скоро день. Уже недолго —
Будет день и на Руси.
Ночь еще крадется волком,
Только свет не погасить!

UNIVERSITY OF MICHIGAN

И до отчего порога,
До родимого села,
До восхода та дорога
Через муку пролегла.

Что поделаешь — иному
И еще кружнее путь,
И идет иной до дому
То ли степью незнакомой,
То ль горами где-нибудь.

Дед встает. Светло и строго
Утомленное лицо.
Где-то рядом за дорогой
Тихо звякнуло кольцо.

И невольно вздрогнул Тёркин:
В самом деле — кто идет?
Тихо-тихо. Только зорьке
Где-то вновь петух поет.

UNIVERSITY OF MICHIGAN

Ветерок с полей повеял
И донес, донес, донес
Звук тальянки: плакал, млея,
Затихал и снова рос.

И брела гармонь куда-то,
Только слышалось едва:
«В саду мята
Не примята,
Да не скошена
Трава...»

UNIVERSITY OF MICHIGAN

НОЧЬЮ В ПОЛЕВОЙ БРИГАДЕ

— Дельный, что и говорить,
Был тот предок самый,
Что придумал суп варить
Да еще с грибами.

Суп во-первых, во-вторых
Гречневую кашу.
Нет, тот предок был старик,
Видно, русским, нашим.

По полям пополз туман,
И в ночной прохладе
Полевой колхозный стан
Спать ложиться ладил.

UNIVERSITY OF MICHIGAN

Привалясь на тяжкий сноп,
Не щадя махорки,
Чтоб комар не жалил лоб, —
Вел беседу Тёркин:

— Вам, ребята, с серединки
Начинать, а я скажу:
Я не первые ботинки
В этой жизни без починки
Износил и всё хожу.

Подавай скорей заявки,
Всё равно от мошкары
Не уснуть... Возьмем козявки
Или эти комары.

Это ведь хитрее пули:
Не дают, хоть лопни, спать,
Жалят, чтоб не отдохнули,
Чтоб уборки срок сорвать.

UNIVERSITY OF MICHIGAN

Расчесал, а утром — ранки,
А к обеду — разнесло!
Не иначе, братцы, янки
Это выдумали зло.

Комара еще пристукнешь,
Иль залезешь под снопы.
Ну, а дома? — В хату вступишь,
А со всех сторон клопы!

Мухи жалят днем, нет спасу,
Тараканы, блохи, вошь!
Ведь в Америке заразы
Этой столько не найдешь.

Это как понять? Смотрите,
То не муха, то не клоп,
Это а́гент Уолл-Стрита
Загоняет, братцы, в гроб!

UNIVERSITY OF MICHIGAN

Не читали в «Правде» разве,

Что в Америке пятьсот

Фабрик выстроили разных

И еще гигант-завод?

Сто по выделке мушиной,

Сто по выделке блошиной,

Триста делают клопов,

Тараканов, комаров,

А завод еще скорей

Заготавливает вшей.

И всё выделки машинной,

Заграничной, на все сто!

Если «Правда», то чин-чином

Разузнали как и что.

UNIVERSITY OF MICHIGAN

Хохот катится по стану:

— Ну, и Тёркин!

— Врёт, как ест!

— Я причем здесь? Врать не стану:

«Правда» пишет — вот те крест.

— Там напишут, только слушай...

— Вот бумага не трава —

Для махорки нету лучшей...

— Ай да Тёркин! Оторвал!

Хорошо в степи, не тесно,

Все свои, на всё наплюй.

— А кому из вас известно,

Что такое сабантуй?

— Сабантуй — какой-то праздник?

Или что там — сабантуй?

— Сабантуй бывает разный,

А не знаешь — не толкуй.

UNIVERSITY OF MICHIGAN

Вот когда берут корову,
Лошадь, землю и когда
Начинаешь в хлеб полову
Досыпать, то не беда:
Жив остался — не бунтуй,
Это малый сабантуй.

Привыкай, забудь о грусти,
Раз колхозник — в ус не дуй,
Хуже, брат, когда припустит
Укрупненный сабантуй.

Тот проймет тебя поглубже, —
Укрупнен, но не бунтуй,
Потому, пойми, голубчик,
Это средний сабантуй.

UNIVERSITY OF MICHIGAN

Сабантуй — тебе наука,

Привыкай, терпи, лютуй,

Но совсем иная штука

Это — главный сабантуй.

Тёркин смолкнул на минутку,

Чтоб прочистить мундштучок,

Словно исподволь кому-то

Подмигнул: держись, браток...

— Раз проснешься ты во мраке,

Глянул — в пот тебя и дрожь:

Вышки, проволка, бараки —

Лагерь!

— Ну, брат, это врешь...

— А с чего мне врать? Мне враки

Не к лицу, и не толкуй...

Лагерь, проволка, бараки,

А порядок, как в полку!

UNIVERSITY OF MICHIGAN

День — с «подъема» по команде,
Строем к завтраку, потом
Строем в поле по-бригадно,
И в работе и во всём.

Если что не так ты сделал,
Отлучился или воз
Завернул к куме за делом —
Сразу суд и в штраф-колхоз.

Если ты женат и надо
Срочно жинку повидать,
То и тут нужна команда,
А команду долго ждать.

Сабантуй тот главный, словом,
Весь в команде — сверху вниз,
Он другим зовется словом,
Иностранным: коммунизм.

UNIVERSITY OF MICHIGAN

Повторить согласен снова:
Что не знаешь — не толкуй,
Сабантуй — одно лишь слово —
Сабантуй, но сабантуй
Может так тебя ударить —
Срежет начисто башку.
Вот у нас один был парень...
Дайте, что ли, табачку...

Ночь глуха, костер дымится,
Приумолкли у костра.
— Что ж, братва, давай стелиться...
— Хватит страхов, спать пора...

И к снопу припав лицом,
На пригретом взгорке,
Не горюя ни о чём,
Лег Василий Тёркин.

UNIVERSITY OF MICHIGAN

И приник к земле родной,
Одолен истомой,
И лежит он, мой герой,
Спит себе, как дома.

Спит, забыв о трудном лете,
Сон, забота, не бунтуй,
Может завтра на рассвете
Будет новый сабантуй.

Зги не видно. Ночь вокруг.
Кто не спит — взгрустнется,
Только вспомнит что-то вдруг,
Вспомнит — усмехнется.

Ничего, что сон пропал,
Случай дал отраду:
— Хорошо, что он попал,
Тёркин, к нам в бригаду!

UNIVERSITY OF MICHIGAN

ТЁРКИН НА СТРОИТЕЛЬСТВЕ КАНАЛА ВОЛГА-ДОН

Казака донского хата
Переделана в барак,
Со строительства ребята
Разместились кое-как.

Понагнали из колхозов,
С разных мест и областей...
За лопатой от морозов
Промерзают до костей.

Чья здесь печка, чья здесь хата? —
На дрова распилен хлев,
Кто назябся — дело свято —
Тому надо обогрев.

UNIVERSITY OF MICHIGAN

Где казак — хозяин хаты?

Кто же нынче разберет.

Грейся, радуйся, ребята,

Сборный, смешанный народ!

Нары, грязная солома,

Задремалось, так ложись,

Жизнь советская знакома:

Жизни нет, но всё же жизнь.

Тот сидит, разувши ногу,

Приподняв, глядит на свет,

Всю прощупывает строго, —

Отморозил или нет?

Телогрейку сняв без страху,

Высоко задрав рубаху,

Прямо в печку хочет влезть...

— Не один ты, братец, здесь...

UNIVERSITY OF MICHIGAN

— Отслонитесь, хлопцы...

— Стой-ка!

— Вот те сталинская стройка!

— Будто фронт войны какой...

Воевал, а нынче строй...

— Власть народом не скупится.

— Всё же с фронтом не сравниться...

— Тот порядочек, ребятки...

— А ты думал. Вот чудак!..

— Лучше нет — чайку вдостатке,

Хмель, он греет, да не так...

— Это чья же установка

Греться чаем? Вот и врешь...

— Дело знаешь, в обстановке...

— А еще кулеш хорош...

UNIVERSITY OF MICHIGAN

Опрокинутый истомой,
Тёркин дремлет на спине,
От беседы в стороне.
Дело ясное — не дома,
И не то, чтоб на войне.

— Пацанам и то известно:
Раз советский человек,
Значит строй! Отсюда — тесно,
Человеку нету места:
Стройка — всё: жена, невеста,
Дом родной на весь твой век.

А кого ты там оставил:
Мать, жену, семью, детей —
Это знает, братцы, Сталин, —
Стройки строй, а жить не смей.

UNIVERSITY OF MICHIGAN

— Что с того, что жить ты хочешь,
Что с того, что — человек?
— Власть, она сильна...
— Не очень!
— Не хватает силы рек...

— Помню — полк наш инженерный
Днепрострой рвал в сорок первом...
— Так всю жизнь: то строй, то рой,
Потом рви и снова строй.

Разговоры. Дым махорки.
Рассужденья. Мысли вслух.
— Где-то наш Василий Тёркин? —
Это слышит Тёркин вдруг.

Привстает, шурша соломой,
Что там дальше — подстеречь.
Никому он не знакомый,
А о нем как будто речь.

UNIVERSITY OF MICHIGAN

Но сквозь шум и гам веселый,
Что кипел вокруг огня,
Вдруг он слышит новый голос:
— Это кто там про меня?

— Про тебя?
Без оговорки
Тот опять:
— Само собой.
— Почему?
— Так я же Тёркин. —
Это слышит Тёркин мой.

Что-то странное творится,
Непонятное уму.
Повернулись тотчас лица
Молча к Тёркину. К тому.

UNIVERSITY OF MICHIGAN

Люди вроде оробели:

— Тёркин — лично?

— Я и есть.

— В самом деле?

— В самом деле.

— Хлопцы, хлопцы, Тёркин здесь!

— Не хотите ли махорки? —

Кто-то тянет свой кисет.

И не мой, а тот уж Тёркин

Говорит:

— Махорки? Нет.

Не курю.

А мой поближе,

Отгибает воротник,

Поглядел, а он-то рыжий —

Тёркин тот, его двойник.

UNIVERSITY OF MICHIGAN

Если б попросту махорки
Тёркин выкурил второй,
То не встрял бы, может, Тёркин,
Промолчал бы мой герой.

Не любил людей спесивых,
И, обиду затая,
Он сказал, вздохнув лениво:
— Врешь, приятель, Тёркин я...

Смех, волненье.
— Новый Тёркин!
— Братцы, двое...
— Вот беда...
— Как дойдет их до пятерки,
Разбуди меня тогда.

— Нет, брат, шутишь, — отвечает
Тёркин тот, поджав губу, —
Тёркин — я.
— Да кто их знает, —
Не написано на лбу.

UNIVERSITY OF MICHIGAN

Из кармана гимнастерки

Рыжий — книжку:

— Что ж я вам...

— Точно: Тёркин...

— Только Тёркин

Не Василий, а Иван.

Но, уже с насмешкой глядя,

Тот ответил моему:

— Ты пойми, что рифмы ради

Можно сделать и Фому.

Тёркин будто бы растерян,

Грустно щурится в огонь.

— Я бы мог тебя проверить,

Будь бы здесь у нас гармонь.

Все кругом:

— Гармонь найдется!

У прораба есть.

— Не тронь.

— Что не тронь?

— Смотри, проснется.

— Ничего! Держи гармонь.

Только парень взял трехрядку,

Сразу видно гармонист.

Для началу, для порядку

Кинул пальцы сверху вниз.

И к мехам припав щекою,

Строг и важен, хоть не брит,

И про вечер над рекою

Завернул, завел навзрыд...

Тёркин мой махнул рукою:

— Ладно, можешь, — говорит.

UNIVERSITY OF MICHIGAN

— Но одно тебя, брат, губит:
Рыжесть Тёркину нейдет.
— Рыжих девки больше любят, —
Отвечает Тёркин тот.

Тёркин сам уже хохочет, —
Сердцем щедрым наделен, —
И не так уже хлопочет
За себя — что Тёркин он.

Чуть обидно, да приятно,
Что такой же рядом с ним.
Непонятно, да занятно
Всем ребятам остальным.

Молвит Тёркин:
— Сделай милость,
Будь ты Тёркин насовсем.
И пускай однофамилец
Буду я...
А тот:
— Зачем?

UNIVERSITY OF MICHIGAN

— Кто же Тёркин?

— Ну, и лихо!

Хохот, шум, неразбериха.

Вдруг какой-то бригадир

Встал и крикнул на задир:

— Что вы тут как-будто атом

Обнаружили какой!

По приказу всем бригадам

Будет придан Тёркин свой.

Слышно всем? Порядок ясен?

И чтоб тихо у меня...

Дисциплинка..., но согласен

С бригадиром этим я.

И замечу мимоходом,

К разговору вставлю я:

Всем колхозам и заводам

Дать по Тёркину в друзья.

UNIVERSITY OF MICHIGAN

UNIVERSITY OF MICHIGAN

ТЁРКИН-ОККУПАНТ

Часть вторая

UNIVERSITY OF MICHIGAN

ПОЯВЛЕНИЕ ТЁРКИНА

Рано утром вдоль по стежке,
Соблюдая свой черед,
Котелки забрав и ложки,
К кухне шел за взводом взвод.

Суп да каша, чай до пота,
Не ропщи, солдат, на жизнь,
Что с того, что есть охота,
Ничего, на то пехота,
— Становись!

Хорошо в полку, где повар
Парень тот, как говорят,
Когда повара такого
Уважает брат-солдат.

UNIVERSITY OF MICHIGAN

Хорошо, когда добавком
На двоих и на троих
Угощает, как подарком,
Парней верных и своих.

Чтобы числился недаром
По профессии своей,
Чтоб еда была с наваром,
Да была бы с пылу, с жару
Подобрей и горячей.

— Слышь, подкинь еще одну,
Ложечку, другую,
Говорят, опять войну
Сталин гнет втихую.

Подкрепи, пока есть срок...
Покосился повар:
— Ничего себе едок,
Ваш сержант-то новый!

UNIVERSITY OF MICHIGAN

Ложку лишнюю кладет,
Молвит не сердито:
— Вам бы, знаете, во флот
С вашим аппетитом.

Тот:
— Спасибо. Я как раз
Не бывал во флоте,
Мне бы лучше вроде вас,
Поваром в пехоте.

Мне б готовить кашу так,
Заправляя жирно,
Чтоб в котле стоял черпак
По команде «смирно».

И, усевшись под стеной,
Кашу ест, сутулясь.
«Свой?» — бойцы между собой, —
«Свой!» — переглянулись.

UNIVERSITY OF MICHIGAN

Подзаправился, встает,
Поправляет ремень,
На часы глядит, на взвод,
Проверяя время.

Гимнастерочка, штаны,
И почти что новые,
С точки зренья старшины,
Сапоги керзовые.

И ребятам остальным,
Что еще возились,
Захотелось вместе с ним —
Все заторопились.

Не затем, что он стоял
Выше в смысле чина,
А затем, что жизни дал
За едой мужчина.

UNIVERSITY OF MICHIGAN

Любит русский человек

Праздник силы всякий,
Потому и хлеще всех
Он в еде и драке.

Взвод на двор выводит он,
Все бойцы в восторге:
Шепчут сзади:
— Ну, силен!
— Всё равно, что Тёркин!

— Это кто там про меня?
Подавясь махоркой,
Взвод присел:
— Как про тебя?
— Я — Василий Тёркин.

Окружил сержанта взвод —
Не бойцы, а рыбы,
Смотрит стриженый народ:
Кто к ним ночью прибыл.

UNIVERSITY OF MICHIGAN

— Тёркин — лично?

— Я и есть.

Люди оробели.

— Как же Тёркин и вдруг здесь?

— Тёркин — в самом деле?

Но признала вдруг братва,

Угадала с виду:

— Точно!

— Тёркин!

— Вот лафа!

— Он не даст в обиду...

Тут команду подает

Им сержант: — Отставить!

— Становись!

Но видит взвод:

Парня радость давит.

. . . . . .

UNIVERSITY OF MICHIGAN

Хорошо, друзья, приятно,
Сделав дело, поутру
В батальон идти обратно
Из столовой по двору.

По двору шагать казармы,
Думать — мало ли о чём,
Взвод свой чувствовать по-парный,
Между прочим, за плечом.

Доложить потом по форме
Командиру не спеша,
Хоть солдата плохо кормят,
Зато бравая душа.

Кормят плохо-маловато,
То, что каша — не беда,
Хороши зато ребята,
Уважают, как всегда.

UNIVERSITY OF MICHIGAN

А солдатам помоложе,
Что впервой с тобой идут,
Им теперь всего дороже —
Знать одно, что Тёркин тут.

Остальным — когда придется —
Не мечтают об ином:
Не последним самым хлопцем
Показать себя при нем.

Свет пройти, нигде не сыщешь
Среди взрослых и ребят
Дружбы той святей и чище,
Что бывает меж солдат.

UNIVERSITY OF MICHIGAN

ПРО ПИСЬМО

Получил письмо солдат,
И совсем солдат не рад:
От начала и до точки —
Перечеркнутые строчки,
Цел поклон, привет и дата,
А по почерку — от брата.

Говорит солдат:
— Досадно.
Отписал домой привет.
Ждал два месяца. Ну, ладно.
Нет, так на тебе — ответ!

Для солдата нету кроме
Утешенья, как махра,
Примостился на соломе,
Перетертой, как костра,
Закурил, взглянул вокруг:
Спят бойцы, кому досуг.

UNIVERSITY OF MICHIGAN

А неспящие у койки
У сержантовой торчат:
Смех столбом... Опять, знать, Тёркин,
Что-то выдумал сержант.

Но глядит с тоской солдат,
Ничему солдат не рад,
И, вздохнув, горюет вслух:
— Без письма-то, как без руки!

Без письма и у махорки
Вкус уже не тот. Слаба.
Вот судьба, товарищ Тёркин...
Тёркин:
— Что там за судьба!

Так случиться может с каждым,
Цензор — там, а мы под ним.
Вот со мной какой однажды
Случай был, с письмом одним!

UNIVERSITY OF MICHIGAN

Получаю раз из дома —
Из деревни друг прислал:
О колхозе и знакомых
Всё, как было, отписал.

И не то, чтоб одной строчки
Цензор вычеркнул бы там,
Даже черточки и точки
Сам расставил по местам.

Замполиту же посланье
Так понравилося вдруг —
Приказал мне на собранье
Прочитать солдатам вслух.

А писал в письме мне Паша:
«Жизнь зажиточная наша,
Дружно трудится колхоз —
Урожай едва весь свез.

UNIVERSITY OF MICHIGAN

Все одеты и обуты,
Чаша полная всему.
Я оделся — фу-ты, ну-ты, —
Переплюнул и Фому!

А едим, что даже Зинке
Стало нравиться... А мать
Так поправилась, что к Димке
Хочет в гости уезжать!»

Только тот Фома был нищим —
Век в тряпье ходил одном,
Дядя Димка на кладбище
Был свезен давным-давно.
Что ж касается про Зинку —
Так в колхозе звали свинку.

Дальше было: «Ты смотри там,
Будь готов, как сын страны,
Разгромить из Уолл-Стрита
Поджигателей войны.

UNIVERSITY OF MICHIGAN

А за то, что малой кровью
Мы их тоже будем гнать,
Руку правую готов я
Про заклад мою отдать!»

Но начальство ведь не знало,
Что приятелю моему
Под Берлином оторвало
Руку правую ему!

Вот оно какое дело,
Мой товарищ и сосед:
Пишет брат твой неумело,
Потому такой ответ.

Потерять письмо обидно,
Не твоя на то вина,
Падать духом — вот что стыдно,
Здесь смекалочка нужна.

UNIVERSITY OF MICHIGAN

Ничего на этом свете

Не приходит к нам само,

Мы с тобой за всё в ответе.

То-то, брат! А ты — письмо.

UNIVERSITY OF MICHIGAN

ПРО ОТПУСК

— Был герой я — это точно,
Но и я войне не рад:
Вроде службы той бессрочной —
Изнывай и жди за кочкой
Скоро ль мина влепит в зад!

Обморозишь руки, ноги,
В снег зароешься лицом,
В ожидании подмоги
Землю греешь животом.

Про войну скорей расскажешь,
О солдатской о тоске,
Как недели кукиш кажет
В животе кишка кишке.

UNIVERSITY OF MICHIGAN

Посыпает дождик редкий,
Кашель злой терзает грудь,
Ни клочка какой газетки
Козью ножку завернуть.

И ни спички, ни махорки —
Всё раскиснет от воды...
Так что раз и я — ваш Тёркин —
Запросился из беды.

Надоела мне винтовка,
Надоело грязь месить,
И, хоть было мне неловко,
Отпуск я решил просить.

Я явился к командиру:
— Разрешите доложить:
Так и так — хочу квартиру
На деревне навестить.

UNIVERSITY OF MICHIGAN

Капитан был парень свой,
За солдат стоял горой,
Покумекал, покумекал —
Стало жалко человека.

— Вот что, Тёркин, наш герой,
Комиссар-то надо мной!
Хоть пиши, хоть не пиши —
Еще подвиг соверши!

«Языка» ли приведешь,
Пулемет ли принесешь,
Или что еще от немца —
Будет некуда нам деться.

Знаю — отпуска достоин,
Отличался много раз,
Знаю сам, что лучший воин
Ты в дивизии у нас.

UNIVERSITY OF MICHIGAN

— Награжу поездкой в гости —

Есть на то такой приказ.

Комиссаровой я злости

Не боюся в этот раз.

Я ответил капитану:

— Есть, товарищ капитан!

Всё в порядке — я достану

И трофей немецкий дам.

Через день при комиссаре

Капитану пулемет

Я немецкий сдал и с жаром

Рапортую:

— Так что вот...

Разрешите доложить...

И когда могу отбыть?

UNIVERSITY OF MICHIGAN

Делать нечего начальству:
Пишут — отпуск пару дней,
Я ж возьми и бац с нахальством:
— Еще стопочку бы мне?

Комиссар от злости вышел,
Я сто грамм скорее в рот,
Капитан ко мне — чуть слышно:
— Расскажи про пулемет.

— Очень просто: выполз к фрицу,
Будто в плен, а сам:
— Камрад!
Так и так, мол, — объяснился,
Немец понял — тоже рад.
Пулемет я наш получше
Дал ему, а он мне свой:
Отпуск фриц теперь получит,
Получу и я впервой.

UNIVERSITY OF MICHIGAN

БЕСЕДА О ВОЙНЕ

И хотя, пригревшись, спал
Крепко полк усталый,
В первом взводе сон пропал,
Вопреки уставу.

Привалясь к углу стены,
Не щадя махорки,
Для бойцов насчет войны
Вел беседу Тёркин.

— Разрешите доложить
Коротко и просто:
Я большой охотник жить
Лет до девяносто.

UNIVERSITY OF MICHIGAN

Потому хочу сказать —
Сердцем, братцы, чую:
Сталин строит за глаза
Нам судьбу иную.

Я пять лет отвоевал,
Защищал отчизну,
Но, воюя, я мечтал
Про другое в жизни.

И не вышло ни хрена
Из надежды этой —
Снова Сталину нужна
Нам ненужная война,
Чтоб владеть планетой.

Вспоминаю по ночам,
Понимаю больше:
Он и прошлую начал
С Гитлером ведь в Польше.

UNIVERSITY OF MICHIGAN

Что ему, что та война
Унесла милльоны!
Что ему, что вся страна
Гнется, плачет, стонет!

Сколько нас тогда легло...
Сколько нас убито...
Потому и тяжело —
Тяжела обида.

Если б знали наперед
Сталина науку —
Обманул усатый чорт
Родину-старуху!

Потому солдатский путь
Мне забыть нет силы,
Шепчут: «Тёркин, не забудь» —
Братские могилы.

UNIVERSITY OF MICHIGAN

Тридцать лет нам Сталин врет,
Потому в ответе:
За солдат и за народ,
И за всё на свете.

От Ивана до Фомы,
Где б нас ни носило,
Все мы вместе — это мы:
И народ, и сила.

А поскольку это мы,
То скажу вам, братцы,
Нам из этой кутермы
Некуда деваться.

Тут не скажешь: я — не я,
Ничего не знаю,
Не докажешь, что твоя
Нынче хата с краю.

UNIVERSITY OF MICHIGAN

Не велик тебе расчет

Думать в одиночку,

Потому-то он и врет

Тридцать лет, как в бочку.

Сталин новую войну

Нам готовит, чтобы

Перед смертью всю страну

До конца угробить.

Нам же, хлопцы, наплевать

На его делишки,

Можем только пожелать

Ни дна, ни покрышки, —

Дорога отчизна-мать,

Дом, семья, детишки.

UNIVERSITY OF MICHIGAN

Но признать не премину,
Дам свою оценку:
Тут не то, что в старину,
Не пробьешь лбом стенку.

Тут не то, что на кулак:
Поглядим, чей дюже, —
Я сказал бы даже так:
Тут гораздо хуже.

Со смекалочкой во всем
Действуй осторожно,
Перетерпим, перетрем,
Выждем, когда можно...

Ну, да что там толковать,
Ясно, как на смотре:
Сталин хочет воевать,
Ну, а мы посмотрим.

UNIVERSITY OF MICHIGAN

Хочешь жить — не забывай,
Забывать не вправе:
Он нам скажет: умирай!
Мы ему: — Отставить!

Вот тогда перед страной
Выполнишь задачу,
А к тому еще живой
Будешь сам в придачу.

Потому и доложить
Захотел вам просто,
Что большой охотник жить
Лет до девяносто.

UNIVERSITY OF MICHIGAN

ПИКОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Год назад, а может ныне,
По дороге на Берлин
Ехал Тёркин на машине
За нарядом на бензин.

С ним была его команда:
Полковой шофер-сержант.
Газовали два сержанта
Получить скорей наряд.

Не подумайте худого —
Запланировали путь:
На обратном рейсе снова
В гости к немкам завернуть.

UNIVERSITY OF MICHIGAN

Час назад свою подружку
Каждый коротко обнял,
Потому на всю катушку
Жал шофер и газовал.

Жизнь в казарме всем знакома —
Жить живи, дышать не смей:
Ни подруги, ни знакомой,
Ни чужой и ни своей.

Потому и сердце бьется,
Если выйдет из ворот:
Будет случай, подвернется —
Чью-то долю ущипнет.

А сержантам в полк вернуться
По приказу надо в срок,
Если ж раньше обернуться —
Ущипнут еще кусок.

UNIVERSITY OF MICHIGAN

Потому неслась машина,
Лес мелькал по сторонам...
Но вдруг — бац! — и к чорту шина
Разорвалась пополам!

Тёркин вылез и с опаской
На запаску поглядел,
И была она запаска
Лишь для виду, не у дел.

Красной армии привычно
Без запасных ездить шин,
Выручал всегда обычный
Способ хитростный один:

Наш шофер большой искусник
Всё на свете починять:
Плюнет, дунет, латку пустит —
И порядочек опять.

UNIVERSITY OF MICHIGAN

В этот раз — иное дело:

Клеить — значит опоздать,

И сказал шофер несмело:

— Неужели загорать?!

Но, как будто отвечая

Им на это, где-то вдруг

Появился, наростая,

Сзади их моторный звук.

Много нужно ли солдату,

Услыхав такой ответ:

Тёркин сразу к автомату,

А шофер за пистолет.

Подъезжают. Вроде немцы.

Один толстый и седой.

Тёркин, взяв на мушку дверцы,

Подает команду: — Стой!

UNIVERSITY OF MICHIGAN

Толстый в ярости выходит,
Красный, злющий, что твой бык,
И такое вдруг заводит,
Что аж страшное выходит —
Оказался Вильгельм Пик!

Тёркин — новую команду:
— Хоть ты Пик, а не пищи!
А потом уже сержанту:
— Шевелись! Давай ключи!

Пик попятился в машину,
С перепугу замолчал,
А шофер тотчас резину
И колеса даже снял.

Заменил свое чин-чином,
Погрузился, а потом
Говорит с лицом невинным:
— А кого мы, Вася, ждем?..

UNIVERSITY OF MICHIGAN

И как-будто с сожаленьем,
Головой сержант поник:
— В пиковое положенье
Влип геноссе Вильгельм Пик.

А потом — с другой заходит;
Призадумавшись на миг,
Говорит с поклоном вроде:
— Загорай, товарищ Пик.

Власть советскую ты, шкура,
Устанавливаешь здесь,
Так вот это, знай, в натуре
Власть советская и есть!

UNIVERSITY OF MICHIGAN

ТЁРКИН СЛУШАЕТ РАДИО

Как-то под вечер до срока
Возвращался Тёркин в полк,
И, как-будто ненародом,
Повернул немного вбок.

Повернул к знакомцу-другу,
К дому немца одного,
Что услугой за услугу
Выручал не раз его.

В увольнительной имелось
Час до срока с небольшим,
А ему давно хотелось
Делом заняться одним.

UNIVERSITY OF MICHIGAN

Делом правильным и нужным,
Скажем прямо — не простым,
Невозможным для послушных,
Для трусливых и недружных,
А наш Тёркин — был иным.

Одним словом, Тёркин вскоре
В доме немца заседал,
Дверь держали на запоре,
Чтоб никто не помешал.

Молчаливый, что твой скромник,
В руку-горсточку курил,
И, ссутулившись, приемник
Он внимательно крутил.

Где-то скрипка, где-то пенье,
Повёрнул еще — трещит,
И вдруг слышит:
— Говорит
Радио «Освобожденье».

UNIVERSITY OF MICHIGAN

Тёркин ближе к аппарату,

Ухом влип в него сержант,

Объявляют:

— Про солдата,

Имя:

— Тёркин-оккупант.

Тёркин ахнул — что такое?!

Непонятное уму —

Про него же, про героя

Сыпет радио ему!

Тёркин, стой! Дыши ровнее,

Тёркин, сердцем не части!

Тёркин, слышишь? Чтоб вернее,

Слева звуку подпусти.

UNIVERSITY OF MICHIGAN

Тёркин, Тёркин, что с тобой?
Скажем откровенно:
Славы ты не ждал такой
Необыкновенной.

И не то, чтоб ты впервой
С нею повстречался...
Словом, Тёркин, наш герой
Малость растерялся.

Знать, не только на войне
Был со славой дружен,
Ты теперь уже вдвойне
Родине, знать, нужен.

Чтоб никто в стране не знал
Про тебя, такого,
Кремль поэту приказал —
О тебе ни слова.

UNIVERSITY OF MICHIGAN

Как обманут властью был,
Как теперь живется...
Но выходит: только б жил,
А поэт найдется.

Только б жил не просто так —
Подхалимом серым,
А чтоб был во всём мастак,
Правильным и смелым.

Но когда услышал Тёркин,
Что победу не сберег,
Подавился от махорки
Дымом, ставшим поперёк.

— Вот те на, брат, удружили!
Голос снова поднасел:
— Что же это ты, Василий,
Прозевал, недосмотрел?

UNIVERSITY OF MICHIGAN

Потемнел с лица мой Тёркин
От обиды от такой,
Повернулась слава горькой,
Оборотной стороной.

— Вот ты как! Корить солдата!
Не суди, брат, ты не Бог,
Это я-то виноватый?
Хорошо. А что я мог?

Что я мог, ведь он — Усатый
Обманул не только нас,
Но меня, скажу, — солдата
Обманул в последний раз.

Я согласен и не спорю,
Что войны милее жизнь,
Ну, а жизнь-то стонет морем,
В дамбу власти упершись?

UNIVERSITY OF MICHIGAN

Спору нет — построить кран бы,
И не бомбой, не войной
Отодвинуть эту дамбу
С нашей родины долой.

Я — любитель мирной жизни,
Воевать хотя мастак,
И войны своей отчизне
Не желаю я никак.

Но, а если взять серьёзно,
Что я сделаю с Кремлем:
Сталин рано или поздно
Доиграется с огнем.

Вот тогда мы и рванемся,
Живы будем — не помрем,
И к себе домой вернемся,
Что отняли — отберем.

UNIVERSITY OF MICHIGAN

А пока на этом свете
Мне не стоит умирать:
Я одной политбеседе
Всех учу — не унывать.

Ты ж для большего порядка,
Чтобы действовать вдвоём,
Всем рассказывай, как сладко
Мы под Сталиным живем:
Что изведано горбом,
Что исхожено ногами,
Что испытано руками,
Что мы видим здесь в глаза,
И о чем у нас покамест
Вслух рассказывать нельзя.

Потому что у солдата
Адресатом белый свет.
Кроме радио, ребята,
Близких родственников нет.

UNIVERSITY OF MICHIGAN

БЕСЕДА О МАРКСИЗМЕ

Взвод однажды торопился
Уложиться в малый срок;
Заправлялся, брился, мылся —
Первым был политурок.

Тёркин тоже брился спешно,
Исцарапался до глаз,
И советские, конечно,
Бритвы он ругнул не раз.

— Чтоб им, бритвам, пусто было!
Брить бы ими старшину!
Весь в крови, а сбрил лишь мыло,
Да щеку с трудом одну.

UNIVERSITY OF MICHIGAN

Так ругался он, к небритой
Руку приложив щеке, —
Слышит:
— Тёркин, к замполиту
На одной давай ноге!

Вытер щёку — что такое?
Старшина стоит:
— Ну, что ж,
С недобритой бородою
К замполиту не пойдешь...

— Кончу вот, тогда хоть к чорту.
— Тёркин, сроку пять минут!
— Ничего, такую морду
Дальше кухни не пошлют...

Говорит, чудит, а всё же
Сам, волнуясь и сопя,
Смотрит в зеркальце на кожу,
Выражаясь про себя.

UNIVERSITY OF MICHIGAN

Подзаправился на славу

И гадает наперед,

На какую там расправу

Замполит его зовет.

Оказалось — очень просто:

Срочный выполнить наряд —

Над казармой на помосте

Вывесить портретов ряд.

Тёркин взял подмышку десять

Приготовленных вождей,

Повернулся:

— Есть повесить!

И пошел к братве своей.

Выбрав трех ребят повыше,

Всё, что надо, прихватив,

Тёркин вскоре был на крыше,

Всем на свете угодив:

UNIVERSITY OF MICHIGAN

Замполиту — что высоко
Будут те вожди видны,
Парням — от политурока
Были освобождены.

И когда вождей подвесил,
Пригвоздил и закрепил,
Тёркин с крыши ноги свесил,
Сплюнул вниз и закурил.

И ребята сели следом.
— Вот что, хлопцы, верь не верь,
Должен я политбеседу
Вам продолжить здесь теперь.

И еще раз сплюнув скромно,
К удивлению солдат,
Стал рассказывать подробно
Про вождей, висящих в ряд.

UNIVERSITY OF MICHIGAN

— Маркс и Энгельс начинали,
Ленин наш продолжил их,
Сталин больше..., а вон дале
Маленков совсем постиг.

Поясню: жил Маркс и Энгельс,
Каждый думал и писал,
Про товар тот Маркс и деньги
Сочинил свой «Капитал».

Каждый был из них собратом
Волосатым, бородатым,
Знать, всегда ученый брат
От ученья волосат.

Но потом у нас марксизмом
Ленин занялся, и вот:
Всяк эпоху ленинизма
По портретам узнает.

UNIVERSITY OF MICHIGAN

Ленин, Троцкий да Калинин,
И другие в те года
Под губой носили клинья,
Где у Маркса борода.

Сталин Ленина продолжил:
Бороды остаток сбрить
Каждый сталинец был должен
И одни усы носить.

А теперь уже — смотрите:
Явно виден новый сдвиг,
Для дальнейшего развитья
Маленков усы состриг.

И, чтоб это все поняли,
Для понятия умов,
Замыкающими стали
Берия и Маленков.

UNIVERSITY OF MICHIGAN

Был марксизм, знать, от рожденья
Философское ученье,
А у нас, в конце концов,
Он остался без усов.

И глядят солдаты:
— Точно!
От портрета на портрет —
Будто кто сбривал нарочно
Маркса бороду на нет.

И, смеясь, дымят махоркой,
Снова смотрят на вождей.
— Ну, и парень! Ну, и Тёркин!
Пошутил, а нам ясней.

С той поры не раз в казарме
Слышен был между бойцов
Разговор какой-то странный
Насчет Маркса без усов.

UNIVERSITY OF MICHIGAN

ЖАЛОБА ТЁРКИНА

За казармой, книзу, с горки,
По над речкою в кустах
Оккупант Василий Тёркин
Загорал в одних трусах.

После доброй постирушки,
Гимнастерку и штаны
Поразвесил для просушки —
Тоже ведь служить должны!

За колючим за забором
Немцы вольные видны,
В оккупированный город
Смотрят Тёркина штаны.

UNIVERSITY OF MICHIGAN

Сам на солнце обнял землю,
Руки выбросил вперед,
И лежит сержант и дремлет,
Позабывши даже взвод.

А речушка — неглубокий
Родниковый ручеек —
Шевелит травой-осокой
У его разутых ног.

И курлычет с тихой лаской,
Моет камушки на дне,
И выходит не то сказка,
Не то песенка во сне.

Я на речке ноги вымою,
Куда, реченька, течешь?
В сторону мою родимую,
Может, где-нибудь свернешь.

UNIVERSITY OF MICHIGAN

И не надо тебе отпуска,
Увольнительной просить,
Протечешь везде без пропуска,
Где и людям не ходить.

По границе меж окопами,
Меж застав и меж постов,
Возле ДОТов, в землю вкопанных,
Промелькнешь из-за кустов.

На мосту солдаты с ружьями,
Ты под мостик — и прошла,
Дотечешь дорогой кружною
До родимого села.

Там печаль свою великую,
Что без края — без конца,
Над тобой, над речкой, выплакать
Может, выйдет мать бойца.

UNIVERSITY OF MICHIGAN

Может быть, бельишка ветхого
Груду выйдет полоскать,
И под ивы старой веткою
Отдохнуть присядет мать.

Над тобой, над малой речкою,
Над водой, чей путь далек,
Услыхать бы хоть словечко ей,
Как живет её сынок.

Рук усталых кожу в трещинках
Приласкай и освежи,
И про жизнь мою ей, реченька,
Ты тихонько расскажи.

Как живу я меж казармами,
За ворота — никуда,
Как проходят в серой армии
Мои лучшие года.

UNIVERSITY OF MICHIGAN

Далеко в чужой Германии

Как я жалуюсь тебе,
И к какой меня заранее
Приготовили судьбе.

Я солдат бывалый, стреляный,
Мне ль не знать про жизнь бойца —
Нам, солдатам, сверху велено
Умирать за власть «отца».

Потому судьбу солдатскую
Проклинаю и кляну,
Чую яму где-то братскую,
Чую новую войну.

Расскажи, что я попрежнему
Для людей веселый брат,
И живому и умершему
Земляку служить я рад.

UNIVERSITY OF MICHIGAN

Много в жизни было пройдено,
Человек вконец устал,
Дорога-больна мне родина,
За которую страдал!

Замполитами замученный,
Убегаю иногда,
Где под проволку колючую
Протекает лишь вода.

В шутке крепкой всяк нуждается,
Любят Тёркина — меня,
Только мать и догадается,
Что могу и плакать я.

Я лицо на речке вымою
И никто не будет знать,
Из воды рукой родимою
Ту слезу достанет мать.

UNIVERSITY OF MICHIGAN

Расскажи ей: может, станется,
Мне терпеть — не хватит сил,
Что тогда велел я кланяться,
И простить меня просил.

Здесь в Германии случается —
Не один ушел солдат,
Только пусть не убивается,
Я вернусь еще назад.

Нет тебе цензуры, реченька,
Чистой будешь там, как здесь,
Передай ты до словечка ей,
Расскажи про всё, как есть.

UNIVERSITY OF MICHIGAN

ОТ АВТОРА

Что ж еще? И всё, пожалуй.
Скажут, книга без конца.
Но она и без начала,
Как и жизнь ее творца,
Как и жизнь ее героя:
Позабудут — перетрёт,
Перетерпит — вновь откроют,
Потому что он — Народ.

UNIVERSITY OF MICHIGAN

UNIVERSITY OF MICHIGAN

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
От Издательства	5
От автора	15
Часть первая — Тёркин дома.	
Тёркин нашелся	21
День Победы в Москве	29
Про мечты о любви и отдыхе	34
Воспоминание о переправе	45
Про бабушку	50
Про солдата-сироту	58
Про инвалида и милиционера	64
В вагоне	75
Про гармонь	83
Колхозный сторож	96
Ночью в полевой бригаде	106
Тёркин на строительстве канала Волга-Дон	116
Часть вторая — Тёркин-оккупант.	
Появление Тёркина	131
Про письмо	139
Про отпуск	145
Беседа о войне	150
Пиковое положение	157
Тёркин слушает радио	163
Беседа о марксизме	171
Жалоба Тёркина	178
От автора	185

UNIVERSITY OF MICHIGAN

UNIVERSITY OF MICHIGAN

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

«*Враг народа*». Роман. 208 стр. Цена $2.00.

На фоне жизни советской администрации в Восточной зоне Германии автор — бывший подполковник Советской армии — нарисовал портрет советского майора Федора Панина, после тяжких разочарований решившего порвать с большевизмом и стать эмигрантом.

«К внутренним достоинствам книги хочется прежде всего отнести, что через нее чувствуешь некую вечную Россию». («Новый Журнал», 30-я книга).

UNIVERSITY OF MICHIGAN

Printed in U. S. A.
RAUSEN BROS.
417 Lafayette Street
New York 3, N. Y.
317

UNIVERSITY OF MICHIGAN

Цена: $1.50

UNIVERSITY OF MICHIGAN